

УДК 94(47).084.8

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ДЕЛ О ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В 1941–1942 ГГ.

В. С. ФИЛОНЕНКО*Воронежский государственный
аграрный университет
им. К.Д. Глинки**e-mail: an@vsaui.ru*

В статье рассматривается деятельность органов прокуратуры Воронежской области по борьбе с воинскими преступлениями в период с июня 1941 по декабрь 1942 гг. Приводятся обобщающие цифровые данные, характеризующие результаты работы сотрудников прокуратуры в этом направлении.

Ключевые слова: прокуратура, Великая Отечественная война, воинские преступления.

Россия, как и все мировое сообщество, готовится отметить 65-летие Великой Победы над фашизмом. В последние годы резко активизировались силы, как внутри Российской Федерации, так и за рубежом, которые стремятся переписать историю войны, дав новую трактовку следующим ее аспектам:

- о виновниках развязывания Второй мировой войны;
- о причинах временных неудач Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны;
- о цене Победы (к вопросу о понесенных страной потерях);
- о решающем вкладе СССР в разгром фашизма;
- о всенародном характере этой войны.

В формулируемых фальсификаторами выводах предпринимаются попытки отождествить Гитлера и Сталина, фашизм и коммунизм, нацистский режим и советский строй; сделать из пособников гитлеровцев, служивших, в том числе в войсках СС, героев, а бойцов и командиров Красной Армии, разгромивших фашизм и принесших свободу поработенным Гитлером европейским государствам провозгласить оккупантами. Все это приводит к осквернению светлой памяти борцов с фашизмом, вызывает яростное противодействие как ветеранов Великой Отечественной войны, так и подавляющего большинства россиян. Это явилось одной из причин создания в нашей стране комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Нельзя смириться с развязанной в последние месяцы кампанией по попытке реабилитации генерала-предателя А. Власова и как следствие власовцев в целом. Если следовать этой логике фальсификаторов, то завтра зачислят в герои Второй мировой войны полицая, дезертиров, мародеров, всех, совершивших воинские преступления в годы войны. Об этих предателях за 65 послевоенных лет старались не часто вспоминать, ведь были миллионы рядовых советских граждан, патриотов, которые взяли в руки оружие и пошли защищать свой дом, семью, свою страну от гитлеровцев. Свыше 330 тысяч жителей Воронежской области погибли и пропали без вести на полях сражений. По этому показателю Воронежская область занимает в России второе место после Нижегородской, если не учитывать столичные области, Московскую и Ленинградскую. Всего из Воронежской области ушли на фронт 563 181 человек. Более 330 уроженцев Воронежского края стали Героями Советского Союза. Однако, были и те немногие, кто изменил воинской присяге, совершив воинские преступления.

Понятие «воинские преступления» в советском праве было довольно многозначным. Уголовный кодекс РСФСР относил к ним «преступные деяния военнослужащих Красной Армии и Красного Флота, направленные против установленного законом порядка несения военной службы и выполнения вооруженными силами рес-

публики своего назначения и притом такие именно, которые по своему характеру и значению не могут быть совершены гражданами, не состоящими на военной и морской службе»¹. В Положении о воинских преступлениях 1924 г. таковыми признавались «преступления военнослужащих Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Рабоче-Крестьянского Красного Флота, лиц, зачисленных в команды обслуживания, и лиц, призываемых на службу в территориальные формирования на время отбывания ими сборов...»². Таким образом, круг субъектов преступлений был расширен; при этом в УК РСФСР перечислялось 12, в Положении – 18, а в Положении о преступлениях государственных 1927 г. – еще больше видов воинских преступлений. Во время Великой Отечественной войны появилось понятие «преступлений против обороны СССР», часть которых по объекту была тождественна воинским преступлениям³.

Территория Воронежской области в годы Великой Отечественной войны стала местом ожесточенных сражений. На ее территории кроме вермахта воевали также итальянские, венгерские, финские и на границе с Ростовской областью, румынские войска. В 1942 г. из ее 83 районов было оккупировано 29 районов полностью и 5 частично. В этих условиях как территориальные, так и военизированные горрайпрокуратуры занимались, в том числе, расследованием воинских преступлений.

Следует заметить, что вопросы, связанные с квалификацией дел по дезертирству, являлись непростыми для самих прокуроров, следователей и работников милиции. Были существенные огрехи и в методике расследования. В связи с этим, Прокуратурой СССР было издано и разослано на места инструктивное письмо № 3/36925, которое в середине января 1942 г. было обсуждено на районных совещаниях прокурорских, следственных и судебных работников Воронежской области. Как отмечалось в письме, в следственной практике органов территориальной прокуратуры по делам о воинских преступлениях имели место ряд серьезных ошибок, в том числе в квалификации такого рода преступлений, а также в методике их расследования. Констатировалось, что большинство ошибок при квалификации допускалось вследствие отсутствия четкого разграничения между понятиями «военнообязанный» и «военнослужащий». Союзной прокуратурой было разъяснено, что военнообязанные, вызванные в военкомат и зачисленные в команду, являются уже военнослужащими и, следовательно, должны привлекаться за совершение воинских преступлений по соответствующим статьям УК о воинских преступлениях, исключая ст. 193-10 «а» УК РСФСР, предусматривающую ответственность военнообязанных за уклонение от призыва. Были даны подробные указания по вопросам методики расследования. Так, касательно уклонения от призыва по мобилизации указывалось, что по этой категории дел должно быть установлено по существу лишь одно важнейшее обстоятельство – факт уклонения от призыва. В случае задержания дезертиров требовалось в обязательном порядке тщательно производить личный обыск и обыск в помещении, где он был задержан с целью обнаружения документов, оружия, обмундирования, писем, вражеских листовок и т.д.

Лишь при соблюдении всех этих условий работники прокуратуры могли избежать ошибок в квалификации и методике расследования и обеспечить высокое качество расследования и эффективную борьбу с уклонением от призыва военнообязанных и дезертирством военнослужащих. Однако, реализовать это не практике в условиях военного времени, при постоянно увеличивающемся объеме расследуемых уголовных дел и сокращении сроков следствия, было не так-то просто. В приказе военного прокурора Воронежской области Р.Д. Ендовицкого⁴ от 9 марта 1942 г. отмечалась положительная работа по борьбе с дезертирством прокурора г. Липецка Никольского, Россошанского района – Фунтова, Семилукского – Карагодина, и отрицатель-

¹ Первая кодификация советского права. М., 1972. С. 36.

² Первая кодификация советского права. С. 71.

³ Меньшагин В.Д. Преступления против обороны СССР. М., 1946. С. 7.

⁴ См.: На страже закона. Воронеж, 2005. С. 96.

ная работа прокурора Хлевенского района Якунина, Грачевского – Мытова, Щученского – Белоусова, Песковского – Алешина, Репьевского – Романова, Ровеньского – Зубкова, Воронцовского – Ермашева, Елань-Коленовского – Карася, Белогорьевского – Ткачева, Новоусманского – Кондращенко, Сине-Липяговского – Бровко, Бобровского – Андреева. Значительное количество расследованных дел оказывались прекращенными как неосновательно возбужденные, а весьма высокий процент дел возвращался на доследование. Так, в марте 1942 г. военной прокуратурой области было возвращено на доследование нарследователям и милиции 815 дел, что составило 22 %, а прекращено дел было 168, т.е. 4 %⁵. Военный прокурор области предупредил всех горрайпрокуроров и следователей, что за представление неудовлетворительно расследованных дел виновные понесут строгую ответственность.

По целому ряду дел отмечалось нарушения норм уголовно-процессуального кодекса в части сроков расследования. В некоторых районах следственные дела лежали без движения месяцами. В частности, Абрамовским Райотделом НКВД 17 октября 1941 г. было начато расследование дела по обвинению гражданина Ф-ва А.Т. по ст. 193-10 а УК РСФСР. 18 октября 1941 г. были допрошены свидетели и этим же числом выполнены требования ст. 206 УПК. После этого дело лежало без движения до 3 декабря 1941 г. и только по истечении 2-х месяцев и 5 дней было составлено обвинительное заключение. В условиях военного времени это было просто недопустимо. Правоохранительные органы должны были быстро и эффективно бороться с военными преступлениями, подрывающими единство армии в борьбе с врагом, для чего было принято решение сократить срок предварительного расследования по делам о дезертирстве, не связанным с запросами других районов и областей, до 48-и часов. Начальники райотделов НКВД по милиции и райпрокуроры были предупреждены, что за недоброкачественное расследование, нарушение норм УПК они будут наказаны вплоть до предания суду военного трибунала⁶.

Типичным можно назвать дело о дезертирстве, которое расследовал нарследователь Россошанского района Николаев. Т-нов И.К., 1910 г.р., уроженец села Полиново, был 25 августа 1941 г. мобилизован в РККА и зачислен в 55-й запасной стрелковый полк. В пути следования части на новое место 25 ноября на ст. Новохоперск он умышленно отстал от поезда и в тот же день отправился к себе домой, куда добрался 29 ноября. 5 декабря во время обыска Т-нов был обнаружен в своем доме, где прятался под кроватью. При обыске в доме были обнаружены: шинель, сапоги, брюки, гимнастерка и вещевой аттестат, из которого следовало, что эти вещи были выданы красноармейцу Т-ву. Против него было выдвинуто обвинение по ст. 193-7 п. «г» УК РСФСР; он признал себя виновным и показал, что причиной его дезертирства из части явилось желание навестить родных. Арестован Т-нов был 5-го, дело возбуждено 6-го, обвинительное заключение составлено 7-го декабря; дело было направлено по подсудности в военный трибунал 5-й запасной стрелковой бригады⁷. Работа народного следователя Николаева по расследованию данного уголовного дела и привлечению Т-ва к уголовной ответственности была отмечена Р.Д. Ендовицким как пример эффективной и оперативной работы сотрудников прокуратуры.

В то же время, органами прокуратуры предпринимались превентивные меры для борьбы с уклонением от призыва и дезертирством. В качестве меры профилактики в марте 1942 г. городскими и районными прокуратурами Воронежской области совместно с военкоматами была произведена проверка порядка бронирования отдельных категорий работников за предприятиями и учреждениями с целью выявления лиц призывного возраста, получивших броню без должных на то оснований и таким образом избежавших мобилизации⁸.

⁵ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. 2700. Оп. 1. Д. 5. Л. 3-4.

⁶ ГАВО. Ф. 2700. Оп. 1. Д. 8. Л. 53-55.

⁷ Там же. Л. 4-5.

⁸ Там же. Л. 39.

Еще одной профилактической мерой, препятствующей уклонению от призыва, стала система контроля за передвижением военнообязанных, введенная постановлением ГКО от 16.1.1942 г. № 1159а и приказом Прокурора СССР от 17.1.1942 г. № 4с. В соответствии с этими актами, военнообязанным и призывникам был запрещен выезд со своего постоянного места жительства без разрешения военкомата того района или города, на территории которого они проживали и состояли на воинском учете. 9 марта 1942 г. это положение приказом облвоенпрокуратуры № 1-94 было введено на территории Воронежской области. Приказом Р.Д. Ендовицкого также были сокращены сроки следствия по делам о военнообязанных, уклонившихся от воинского учета и их пособниках, до 24 часов для скорейшей передачи их в ближайшие военные трибуналы. О значении, которое придавалось этой категории дел, говорит тот факт, что облпрокурор приказал докладывать ему лично о количестве привлеченных и осужденных отдельно за уклонение от воинского учета и отдельно за пособничество с указанием мер наказания 5, 15 и 25-го числа каждого месяца⁹.

Столь же строгая система контроля за передвижением военнослужащих была введена приказом НКО № 0514 от 27 декабря 1941 г. На прокуратуру была возложена обязанность по материалам от горрайвоенкоматов привлекать к ответственности отставших и начальников их команд, а также вместе с милицией, местными советами и советско-колхозным активом организовывать систематические проверки для выявления дезертиров. Приказом облвоенпрокурора № 1-15 от 10 января 1942 г. такая система контроля была введена в действие в Воронежской области¹⁰; по обращению прокурора Юго-Западного фронта, обратившего внимание исполкомов и территориальных прокуратур Воронежской области на факты недостаточного внимания руководства предприятий, учреждений и организаций на отношение принимаемых на работу лиц к военной службе, благодаря чему имели место случаи благополучного трудоустройства дезертиров, была организована единовременная проверка воинских документов всего наличного состава работников и приняты меры к усилению контроля при принятии на работу новых лиц¹¹.

Вторая половина 1942 г. явилась одним из самых трудным и опасных для Красной армии и всего советского народа этапов Великой Отечественной войны. В руках противника оказались огромные густонаселенные территории СССР с богатыми природными ресурсами, развитой промышленностью и сельским хозяйством. Немецкие войска рвались к Волге, где разыгралось величайшее по своему значению сражение XX века – Сталинградская битва. Вооруженные силы остро нуждались в непрерывном пополнении и новых формированиях, необходимых для стратегического контрнаступления. В этой ситуации обеспечение воинской мобилизации не могло не стать одной из главных задач органов государственной власти, и прокуратура играла в этом процессе чрезвычайно важную роль.

Тяжелые потери, понесенные РККА в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, вынуждали советское руководство изыскивать все новые мобилизационные ресурсы, прибегая к самым решительным и порой неоднозначным мерам. Еще в марте 1942 г., когда советские войска по инициативе Ставки попытались перейти в общее наступление, которое, будучи несвоевременным и неподготовленным, окончилось рядом незначительных успехов и серьезных поражений (потери превысили 1,8 млн. чел.¹²), было принято решение призывать и мобилизовывать в армию лиц, осужденных на сроки не свыше двух лет лишения свободы без поражения в правах (в соответствии с прим. 2 к ст. 28 УК РСФСР). К началу осени обстановка на фронтах оказалась многократно более тяжелой и чрезвычайно опасной, потери продолжали

⁹ ГАВО. Ф. 2700. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

¹⁰ Там же. Л. 6–7.

¹¹ Там же. Л. 14.

¹² Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга первая. Суровые испытания. М., 1998. С. 316; Всероссийская Книга памяти, 1941–1945: Обзорный том. М., 1995. С. 414–416.

расти, поэтому было решено максимально использовать вышеупомянутый ресурс. Устанавливался порядок, при котором начальники тюрем должны были немедленно ставить в известность прокурора о поступающих заключенных, осужденных на срок до 2-х лет, подлежащих призыву или мобилизации, для принятия оперативных мер к их освобождению и направлению в военкомат⁴³.

Еще строже стал учет военнообязанных (включая самих работников прокуратуры⁴⁴); «бронирование» ответственных работников и специалистов также было взято под жесткий контроль⁴⁵. В связи с тем, что все новые отрасли промышленности и транспорта, все новые категории работников переводились на военное положение, доля обвиняемых, подсудимых и осужденных по воинским преступлениям в общем объеме преступлений увеличилась. В частности, в октябре 1942 г. все вольнонаемные строители и геологи в системе Управления оборонительного строительства и инженерных работ РККА были переведены на положение военнослужащих – правда, без выдачи обмундирования и продуктового пайка, зато с обязанностью исполнять уставы дисциплинарный, караульный и внутренней службы и с распространением на них статей УК о воинских преступлениях⁴⁶.

Во второй половине 1942 г. случаев неправильной квалификации воинских преступлений становилось все меньше. Воинские преступления и особенно дезертирство составляли большую часть от общего объема преступлений в прифронтовых регионах, подобным Воронежской области. Так, за период с 4 июля по 1 сентября 1942 г. по Воронежской области было окончено следствием 1 443 дела, по которым привлечено к уголовной ответственности 1 721 чел., в том числе 742 чел. (43 %) – за дезертирство и уклонение от мобилизации (для сравнения: за мародерство было осуждено только 27 чел.)⁴⁷.

Всего за третий квартал 1942 г. органами прокуратуры Воронежской области было привлечено к ответственности и предано суду 5 672 чел., в том числе за воинские преступления, «главным образом за дезертирство из РККА» – 2 113 чел. (37 %)⁴⁸. За период же июль – ноябрь 1942 г. предано суду было 6 953 чел., в том числе за воинские преступления – 2 826 чел. (41 %). Военным трибуналом Воронежской области за это же время было осуждено 1 739 чел., в том числе за дезертирство по ст. 193 УК – 1 410 чел., то есть дела по дезертирам составляли 81 %. За октябрь 1942 г. военным трибуналом Воронежской области было осуждено 590 чел., из них по ст. 193 УК – 447 чел., т.е. 76%. Характерно, что подавляющая часть уклонистов и дезертиров была снова отправлена на фронт: из 1 363 чел. осужденных по ст. 193 к лишению свободы (еще 37 чел. были приговорены к расстрелу, несколько дел было прекращено, в нескольких случаях был вынесен оправдательный приговор) на фронт отправились 1 182 чел. (87 %)⁴⁹.

В этот период времени в СССР воинская служба являлась почетной обязанностью не только мужчин, но и женщин. В ст. 13-й Закона о всеобщей воинской обязанности, принятом IV сессией Верховного Совета СССР 1 сентября 1939 г., указывалось, что наркоматам обороны и ВФМ предоставляется право брать в армию и флот женщин, имевших определенную подготовку. В марте – апреле 1942 г. ГКО издал ряд постановлений о мобилизации девушек и женщин в ряды вооруженных сил. Это были: постановление от 25.03.1942 г. «О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО», постановление от 13.04.1942 г. «О мобилизации женщин для службы во фронтовых армейских запасных частях и тыловых узлах Красной Армии» и постановление от 18.04.1942 г. «О замене в тыловых частях и учреждениях ВВС Красной Армии военно-

⁴³ ГАВО. Ф. 2700. Оп. 1. Д. 7. Л. 119–120.

⁴⁴ Там же. Л. 64.

⁴⁵ ГАВО. Ф. 2700. Оп. 1. Д. 24. Л. 144.

⁴⁶ ГАВО. Ф. 2700. Оп. 1. Д. 7. Л. 147.

⁴⁷ ГАВО. Ф. 2700. Оп. 1. Д. 13. Л. 6 об.; Д. 14. Л. 12.

⁴⁸ ГАВО. Ф. 2700. Оп. 1. Д. 14. Л. 39.

⁴⁹ Там же. Л. 80–81.

служащих мужчин женщинами». В соответствии с этими постановлениями в ряды РККА вливались крупные контингенты лиц женского пола (100 тыс. чел. по постановлению от 25 марта, 40 тыс. чел. по постановлению от 18 апреля), которые обеспечивались всеми видами довольствия наравне с военнослужащими-мужчинами, но при этом их правовой статус оставался не очень определенным: в частности, в их отношении действовали не статьи Положения о воинских преступлениях, а Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26.VI.1940 г.²⁰, что учитывалось прокурами в их текущей работе.

В дальнейшем мобилизации женщин и девушек в РККА проводились еще неоднократно, причем не только на общегосударственном уровне, но и на местном: мобилизацией занимались и обкомы комсомола, и даже райвоенкоматы по инициативе самих райвоенкомов. В августе 1942 г. по решению Воронежского обкома ВЛКСМ была проведена новая мобилизация девушек.

В период июльского отступления 1942 г., когда падение морального духа и общая дезорганизация стимулировали заметный рост воинских преступлений, особенно острой стала проблема мародерства. Мародерство в Положении о воинских преступлениях определялось как «противозаконное отобрание при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества, с угрозой оружием или под предлогом необходимости его отобрания для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся при них вещей»²¹.

Так, в колхозе «Красный труд» Таловского района 10 июля были задержаны три красноармейца одной из частей 21-й армии, которые на протяжении двух суток укрывались в саду, где пьянствовали, похищали скот в колхозах и у колхозников, меняли его на спирт и торговали мясом. Они были осуждены военным трибуналом к 10 годам тюремного заключения каждый²².

Создавшееся положение было столь серьезным, что специально обсуждалось на заседании Воронежского обкома партии и облисполкома 31 июля 1942 г. На нем было принято решение просить военный совет Воронежского фронта дать указание на места о немедленном назначении начальников гарнизонов и активном их участии в наведении порядка; создать в тылу заградительные отряды и организовать патрулирование населенных пунктов; дать указание о наведении порядка в проходивших и дислоцированных в населенных пунктах области воинских частях по поводу решительного и жесткого искоренения случаев мародерства²³. 22 ноября 1942 г. в населенных пунктах прифронтовой полосы были введены военные комендатуры.

Такого рода преступления объективно подрывали единство армии и народа в борьбе с врагом. Сотрудники органов прокуратуры прилагали все усилия для их выявления и расследования, привлечения виновных к уголовной ответственности.

ACTIVITIES OF THE PUBLIC PROSECUTION OF THE VORONEZH REGION ON INVESTIGATION OF MILITARY CRIMES IN 1941–1942

V. S. FILONENKO

*Voronezh State Agricultural
University n.a. K.D. Glinka*

e-mail: an@vsau.ru

The paper gives an overview of the activities of the prosecution authorities of the Voronezh region against military crimes from June 1941 to December 1942. The author presents generalized data specifying the results of the prosecutors' work in this direction.

Key words: public prosecution, Great Patriotic War, military crimes.

²⁰ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1942.html>

²¹ Первая кодификация советского права. С. 77.

²² ГАВО. Ф. 2700. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

²³ ГАВО. Ф. 2700. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.